

*Р. Н. Демин**

СОКРАТ КАК ЦИНИК: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТАНТИНА СОТОНИНА**

Статья посвящена анализу интерпретации учения Сократа. Автором этой интерпретации является философ Константин Сотонин. В статье приводятся краткие сведения об этом философе. Сократ рассматривается Сотониным как софист, эрист и циник. В качестве источников для анализа взглядов древнего афинского мыслителя Сотонин привлекает ряд диалогов, принадлежность которых Платону современная Сотонину критика отвергла, признав их подложными («Клитофон», «Гиппарх», «Менексен»). Анализируется утверждение Сотонина об истоках цинизма Сократа. Выдвигается предположение о причинах привлечения Сотониным мифа о состязании сатира Марсия и Аполлона для объяснения цинизма Сократа. Подчеркивается связь взглядов Сократа с традицией аполлонизма. В статье проводится также аналогия между интерпретацией Сократа как циника и взглядами на цинизм современного немецкого философа Петера Слотердайка.

Ключевые слова: К. Н. Сотонин, Сократ, софисты, эристика, Марсий, Аполлон, цинизм, неокинизм, Слотердайк, «Критика цинического разума».

R. N. Demin

SOCRATES AS A CYNIC:

TO THE INTERPRETATION OF CONSTANTIN SOTONIN

The article is devoted to the analysis of the interpretation of Socrates' teaching. The author of this interpretation is the philosopher Konstantin Sotonin. The article provides brief information about this philosopher. Socrates is regarded by Sotonin as a sophist, eristic and cynic. As sources for the analysis of the views of the ancient Athenian thinker Sotonin attracts a number of dialogues, which belong to Plato modern Sotonin criticism rejected, recognizing

* Демин Ростислав Николаевич, преподаватель, Русская христианская гуманитарная академия; deminros@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

them as false, especially «Clitophon», «Hipparchus», «Menexenus». Sotonin's statement about the origins of Socrates' cynicism is analyzed. The author suggests the reasons for Sotonin's involvement in the myth of the contest between the Satyr Marcius and Apollo to explain the cynicism of Socrates. The connection of Socrates' views with the tradition of apollonism is emphasized. The article draws an analogy between the interpretation of Socrates as a cynic and the views on cynicism of the modern German philosopher Peter Sloterdijk.

Keywords: K. N. Sotonin, Socrates, sophists, eristics, Marsyas, Apollo, cynicism, neocynism, P. Sloterdijk, «Critique of Cynical Reason».

Недавно издательство «Диолковский» выпустило в свет посвященную Сократу книгу казанского философа Константина Сотонина [7]. Эта книга представляет собой переиздание сочинения, впервые опубликованного в 1925 г. в Казани [6]. В русскоязычной литературе о Сократе книга Сотонина занимает особое место, во многом определяющееся предложенной автором интерпретацией взглядов и деятельности афинского мыслителя, ставшего для многих символом философии. Сократ, увиденный глазами казанского философа, выступающего в данном случае в качестве историка философии, значительно отличается от привычного нам Сократа, известного по многочисленным популярным изданиям и учебникам по философии. Книга Сотонина о Сократе — оригинальное сочинение самостоятельного мыслителя. Оригинальность предложенной Сотониным интерпретации, поразительная смелость формулировок и блестящий художественный язык книги уже отмечались в литературе [9]. Замечу, что оригинальность проявляется не только в предложенной Сотониным интерпретации, но и в ее обосновании. Константина Сотонина вообще нередко характеризуют как автора, выдвинувшего идеи, которые порой имели весьма эксцентричный вид. К такого рода эксцентричным идеям обычно относят его идею философской клиники, не менее эксцентричным представляется и созданный им портрет Сократа.

Константин Иванович Сотонин (1893–1944), безусловно, не первым обращается к Сократу. В истории русской философии имя древнегреческого философа чаще всего прилагалось к Григорию Сковороде, которого называли то «русским Сократом», то «украинским Сократом», а иногда и «харьковским Диогеном» (в античности Диогена иногда называли «сумасшедшим Сократом», в частности Элиан приписывает такое сравнение Платону (Элиан. Пестрые рассказы. XIV, 33)). Сам Григорий Сковорода говорил о необходимости на Руси своего Сократа как об условии развития философских знаний. После статьи С. Н. Булгакова «Загадочный старик», «Сократом» стали называть Николая Федоровича Фёдорова. Причем, по примеру Булгакова, Фёдорова стали называть «московским Сократом». «Петербургским Сократом» называют персонажа сочинения А. А. Козлова «Беседы с петербургским Сократом». Сократ — персонаж множества художественных произведений, он запечатлен на многих полотнах, он — герой оперы Георга Телемана «Терпеливый Сократ» (1721), симфонической драмы Эрика Сати, а с недавнего времени — и многочисленных комиксов для детей. В молодежной среде можно встретить даже татуировки с изображением Сократа, причем некоторые из них сделаны в стиле «хоррор». В разных городах России к практике сократического диалога нередко обращаются педагоги,

создаются различные школы Сократа, в Москве некоторое время издавался журнал современной философии «Сократ».

Константин Сотонин, которой, возможно, искренне считал себя вторым Сократом, выступил как апологет своеобразного современного сократизма. Он связывал с учением афинского мудреца не только развитие современной ему философии, но и философии следующего XXI в. Для Сотонина Сократ — «проповедник и подготовитель философии современности», «он и только он пригоден для сегодня (современности)». Сократ, созданный К. Сотониным, весьма оригинальный Сократ; это и не удивительно. Каждое время имеет своего Сократа. Вспомним скульптуру «Сократ» Константина Бранкузи, друга Эрика Сати — она тоже далека от обычных представлений об афинском философе, но от этого не утрачивает (по крайней мере, для некоторых) своего очарования. То же можно сказать об образе Сократа, созданном пером Сотонина: на каждой странице книги, в каждой ее строчке можно видеть и литературный дар автора, и острый ум, и профессионализм историка философии, причем профессионализм без излишней академичности.

Предполагают, что характерной особенностью афинской Академии было представление о том, что занятия философией тождественны гимнословию. При этом ряд диалогов Платона и даже научные сочинения некоторых других мыслителей рассматривались как гимны. Как представляется, если приравнять занятия философией к гимнословию, то и в посвященном Сократу сочинении Константина Сотонина можно увидеть подобный философский дискурс. Используя выражение одного философа-неоплатоника, можно сказать, что в этой книге видна «душа, танцующая вокруг излагаемых суждений», и, что примечательно, прежде всего суждений о Сократе. Для стиля Сотонина характерна некоторая афористичность, публицистичность, определенная парадоксальность (например: «Смерть Сократа — его последнее издевательство», «Платон — Сократ навыворот» и т. п.). Не случайно сам Сотонин называет свою книгу «легкомысленной», но все же берет это слово в кавычки. По его мнению, написать книгу о Сократе, «об этом наиболее смеющемся философе, написать не улыбнувшись, застегнуть ее на все пуговицы в профессорский сюртук, — значило бы быть слишком серьезным» [7, с. 30]. Эти слова невольно заставляют вспомнить и о смеющемся Демокрите, и о смехе Диогена Синопского, и об играющем платоновском Пармениде, рассуждающем о едином.

Труд Сотонина делится на две части. Сократу посвящена первая часть, озаглавленная «Сократ — софист, скептик, циник». Вторая часть — «От Сократа к косметике» — посвящена, по словам Сотонина, «людям, еще не слишком заплесневевшим». В ней он говорит об огромном значении философии афинского мудреца для философии настоящего времени, ибо Сократ — провозвестник мировоззрения XXI в.

По мнению Сотонина, «деятельность Сократа в течение всей его жизни во всем основном совпадала с деятельностью софистов». Как и у софистов, в центре интересов и разысканий Сократа стоял человек и вопросы этики и главным объектом заботы являлась практическая польза. Свое рассмотрение Сократа как софиста Сотонин начинает с вопроса об эристике. Желая продемонстрировать, что Сократ является эристиком, Сотонин утверждает,

что вместе с софистами Сократ превратил начавшуюся с элеата Зенона диалектику в эристику, т. е. искусство разговора представил как искусство спора и убеждения. Тезис не бесспорный, если учесть свидетельство Ксенофонта, приводящего мнение Сократа о происхождении слова «диалектика» (Хен. Мем. IV. 5 .12). Сотонин пишет:

Проанализируем любое из ранних (следовательно, и наиболее близких к Сократу) произведений Платона — мы увидим, что вопреки и заявлениям Сократа, и, вероятно, мнению Платона, Сократ ведет беседу совершенно в духе софистов и единственной целью имеет опровергнуть собеседника во что бы то ни стало, представить его в смешном виде, поставить его в тупик, «одурачить», правое дело изобразить неправым [7, с. 66–67].

Однако в своем доказательстве выдвинутого тезиса Сотонин ограничивается (причем подчеркивая это ограничение жирным шрифтом) только анализом (правда, довольно детальным) «Апологии Сократа» Платона. Здесь нельзя не сказать несколько слов о работе Сотонина с источниками. В отличие от многих исследователей, Сотонин считает, что из всех сочинений, дошедших до нас под именем Платона, наиболее надежным источником для восстановления облика Сократа являются те диалоги, принадлежность которых Платону современная ему критика отвергла, признала их подложными. Прежде всего это касается диалогов «Клитофон», «Гиппарх», «Менексен». По мнению Сотонина, критика отвергла их только под обаянием идеализма Платона и идеалистического Сократа, созданного более поздним Платоном. Учитывая, что в последнее время данные диалоги все более привлекают внимание исследователей, с ним в этом вопросе можно согласиться.

В результате содержательного анализа «Апологии» и демонстрации «сплошной софистичности построения речи» Сократа Сотонин приходит к выводу, что «мы принуждены признать Сократа типичным софистом, но софистом не рядовым, а одним из главарей софистики, даже, может быть, гениальнейшим ее представителем наряду с Протагором» [7, с. 133]. Причем, с точки зрения Сотонина, Сократ — не подражатель софистов, а один из родоначальников софистической риторики. По Сотонину, Сократ, наряду с Протагором и Горгием, разрабатывал (почти независимо от них) «основные приемы софистического доказательства любого положения» [7, с. 106]. В ходе изложения Сотонин касается вопроса об антропоцентризме Сократа. Ему очевидно, что сократовский антропоцентризм близок к антропоцентрической позиции софистов. И с этим (правда, с некоторыми оговорками, т. к. надо учитывать, что софисты в известной степени были не только софистами, но и «метеорософистами») можно согласиться. По мнению Сотонина, Сократ совершил «новый сознательный шаг в антропоцентрической реформе философии». Он также отмечает, что с сократовским антропоцентризмом связан не только утилитаризм, но и гедонизм.

Таким образом, К. Сотонин приходит к выводу, что все типические черты софистики в равной степени присущи и философии Сократа. Но у Сократа есть и нечто свое. «Сократ, — пишет Сотонин, — отличен от софистов не тем, что у них было, а тем, чего у них не было: Сократ — это типичный софист плюс нечто существенно новое, может быть, также родственное софистике,

но созданное и выявленное персонально Сократом; это новое — циник» [7, с. 133]. И здесь Сотонин чувствует необходимость, прежде чем рассмотреть цинизм Сократа, коснуться вопроса о его скептицизме.

Вопрос о скептицизме Сократа не является новым. Уже начиная с Аркесилая платоновская Академия воспринимала Сократа как скептика. Как отмечает С. В. Караваева, Сократ-скептик Аркесилая, каким его нам представляет Цицерон в «Учении Академиков», в первую очередь есть «незнающий» Сократ, считающий, «что ничего нельзя знать, лишь за единственным исключением: он знает, что ничего не знает, и ничего больше» [1, с. 11]. Новым у Сотонина является то, что «скепсис Сократа есть именно не мировоззрение, а метод, это философия не безнадежного искания, а философия нахождения, философия искания даже не с надеждой, а с уверенностью в том, что искомое будет найдено» [7, с. 158].

Охарактеризовав Сократа как софиста и скептика, затронув его антропоцентризм, Сотонин переходит к главному: к цинизму Сократа. По его словам, сказать: «Сократ — софист, Сократ — скептик — это совсем неверно, если не прибавить: Сократ — циник...» [7, с. 163] В связи с этим важным представляется положение о дерзости Сократа. Говоря о Сократе как цинике, Сотонин вспоминает слова Алкивиада из платоновского «Пира», где тот сравнивает Сократа с сатиром Марсием, потому что он так же дерзок ($\upsilon\beta\rho\iota\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$) и обладает такой же способностью завораживать других (Plato. Sym. 215b). Сотонин видит в этих словах Алкивиада свидетельство циничности Сократа. По его мнению, знай Алкивиад слово «циник», он бы произнес его, но сказанное им $\upsilon\beta\rho\iota\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ имеет, по Сотонину, именно такой смысл. Причина дерзости Сократа не в том, что он безудержно ищет истину, а в том, что для него нет ничего святого и ничего серьезного. По мнению Сотонина, цинизм — неизбежная черта всякого, у кого сила ума смогла преодолеть инстинкты.

Сократ — первый циник. Однако до него, по Сотонину, киником был силен Марсий. Этот силен имеет самое прямое отношение к Сократу, т. к., согласно Сотонину, именно он является отцом Сократа. Сотонин приводит слова Алкивиада в «Пире» Платона: Сократ «не похож ни на одного из других людей — ни из прежних, ни из теперешних». По мнению Сотонина, до Сократа не было человека-циника. Сотонин пишет:

Циником был только козлоногий бог силен, бегающий по лесам и полям, сатир Марсий, насмехающийся надо всем под звуки своей флейты, не признающий слишком серьезным даже спора и состязания с Аполлоном, не признавший слишком серьезным делом даже потерю собственной шкуры, которую Аполлон содрал с него, продолжавшего, вероятно, улыбаться и надсмехаться над Аполлоном, отнесшимся к состязанию слишком серьезно [7, с. 167].

Дальнейшее развитие событий Сотонин излагает следующим образом:

Сатир, умирая, знал, что от его случайной, легкомысленной, продолжавшейся один день любви к нимфе родится когда-нибудь Сократ и оплатит Аполлону за отца, в свою очередь сдерет нежную кожу с Аполлона и со всех его родичей, но сделает это не как очень, слишком серьезное дело, — а смеясь, забавляясь, осуществляя завет отца — быть циником, ни к чему не относиться слишком серьезно [7, с. 168].

Итак, завет Марсия своему сыну Сократу — быть циником и отплатить Аполлону за содранную с сатира шкуру. Значение, которое придает этому мифу Сотонин, заслуживает самого пристального внимания. Почему Сотонин отдает предпочтение Марсию, а не Аполлону? Почему игнорирует целый ряд свидетельств о связи Сократа с владыкой Дельф, с дельфийским богом?

У многих ценителей античности имя сатира Марсия ассоциируется в первую очередь именно с мифом, упомянутым Сотониным. Этот рассказ о знаменитом музыкальном поединке между Марсием и Аполлоном, соревновании флейты (авлоса) и кифары, рассказ о несчастной судьбе сатира, проигравшего богу в этом поединке, послужил сюжетом многих картин, как в древности, так и в более позднее время. По свидетельству Плиния Старшего (Nat. hist. XXXV. 66), в римском храме «Согласия» находилась картина Зевксида, знаменитого греческого художника из Гераклеи (вторая половина V в. до н. э.), изображающая казнь Марсия. Сама эта картина не сохранилась. Однако до нас дошло выполненное Филостратом Младшим описание другой картины, нарисованной безымянным художником и называвшейся «Марсий». Как известно, мало какой рассказ об Аполлоне, как впрочем, и рассказы о других богах, заслуживает бесспорного доверия, и история состязания Аполлона и Марсия не является исключением. Однако, как замечает исследователь,

анализ ранней литературной и иконографической традиции позволяет предполагать, что в основе классического варианта мифа об Афине, Марсии и Аполлоне лежали три отдельные традиции об изобретении авлоса и первых музыкальных номов, из которых только одна восходит к местным традициям фригийских Келен [4, с. 905].

Согласно широко известному мифу, авлос был изобретен Афиной. Однако случайно увидев во время игры на этом инструменте свое отражение в источнике, богиня ужаснулась искаженным чертам своего лица и в гневе выбросила авлос. Брошенный Афиной инструмент подобрал сатир Марсий, который достиг в игре на нем большого совершенства. Впоследствии Марсий, возгордившись своим умением, бросил вызов самому Аполлону, который, победив сатира в музыкальном состязании, в наказание содрал с него кожу и бросил ее в пещере, где находился исток реки, которая впоследствии по этой причине стала называться Марсием. Рассмотрим этот миф подробнее. От авторов V в. до н. э. сохранился ряд свидетельств. Обратимся к Геродоту и Ксенофонту. Геродот пишет: «В этом городе подвешена кожа силена Марсия, о которой фригийцы рассказывают, что это Аполлон подвесил ее, содрав с Марсия» (Hdt. VII, 26). Рассказ о состязании Марсия и Аполлона есть у Ксенофонта (Xen. Anab. I 2, 8).

В Келенах находится также укрепленный дворец великого царя у истоков реки Марсия под акрополем; эта река также протекает через город и вливается в Меандр. Ширина реки Марсия равняется 25 футам. Там, говорят, Аполлон снял кожу с Марсия, одержав над ним победу в музыкальном соревновании (ἔριβαντα περί σοφίας), и повесил ее, в пещере, откуда берут свое начало истоки; по этой причине река называется Марсием (пер. М. И. Максимовой) [2].

Но в чем именно соревновались Аполлон и Марсий? Можно согласиться с Л. В. Семенченко, что в этом рассказе нет прямого свидетельства того, что речь идет о музыкальном поединке, а используемое Ксенофонтом выражение *περί σοφίας* оставляет пространство для интерпретации. Как отмечает Л. В. Семенченко, на это обстоятельство обратил внимание уже в древности автор сочинения по риторике, приписываемого Элию Аристиду. Этот античный автор понимает употребляемое Ксенофонтом выражение *ἐρίσαστα περί σοφίας* как указание на состязание в мастерстве, искусности, без уточнения рода самого искусства [4, с. 908]. У самого же Ксенофонта *σοφία*, как правило, обозначает или мудрость в нравственном смысле, или ученость, т. е. обладание знаниями и умениями. Учитывая это, можно допустить, что Аполлон побеждает Марсия в мудрости.

Следует отметить, что целый ряд свидетельств связывает и Сократа, и Платона с Аполлоном. Связь Платона с Аполлоном подчеркивали уже в древности. Начиная, по-видимому, с его племянника Спевсиппа, распространялся слух об отцовстве Аполлона. Затем этот слух поддержали перипатетик Клеарх и некий Анаксилайд. Диоген Лаэртский пишет:

Спевсипп (в книге под заглавием «Платонова тризна»), и Клеарх (в «Похвальном слове Платону»), и Анаксилайд (во II книге «О философах») пишут, что по Афинам ходил такой рассказ: когда Потона была в цвете юности, Аристон пытался овладеть ею, но безуспешно; и, прекратив свои попытки, он увидел образ Аполлона, после чего сохранял жену в чистоте, пока та не разрешилась младенцем (Diog. L. III, 2).

Автор «Анонимных пролегоменов к платоновской философии» приводит ряд свидетельств в пользу утверждения, что Платон был служителем Аполлона (Пролегомены. 1. 1). Сам же Платон в свою очередь подчеркивает связь Сократа с Аполлоном. Напомним: именно дельфийский оракул признает Сократа мудрейшим из живущих; именно Аполлону слагает в тюрьме гимны ожидающий смерти Сократ, и именно его сыну, Асклепию, Сократ просит не забыть принести жертву, когда его не станет. И возможный пифагореизм Сократа (даже если Платон изобрел Сократа-пифагорейца и, как пишет Ю. А. Шичалин, сделал его адептом учения того, кого ученики считали Аполлоном Гипербореическим или Пифийским [10, с. 79]) также указывает на связь с Аполлоном. Здесь как раз уместно вспомнить, что и Пифагор считался сыном Аполлона и Пифаиды, и лишь на словах — сыном Мнесарха (Порфирий. Жизнь Пифагора. 1). А Ямвлих, хотя и полагая, что это мнение следует отвергнуть, все же свидетельствует, что Эпименид, Евдокс и Ксенократ предполагали, что Аполлон вступил в связь с матерью Пифагора Партенидой и предсказал через Пифию его рождение (Jambl. De vita Pyth. II, 3).

Почему же, по Сотонину, не Аполлон отец Сократа? На каком основании Сотонин делает свой выбор в отношении отцовства в пользу Марсия? Представляется, что выбор Сотонина в качестве отца Сократа не Софрониска, а Марсия, а в качестве матери не повитухи Фенареты, а нимфы — показателен. Здесь заметно желание приуменьшить, замаскировать, и даже более того — заставить забыть связь как Сократа, так и его ученика Платона с Аполлоном. А ведь

указание на связь Сократа с Аполлоном звучит особенно интригующе в контексте таких тем, как «петербургский Сократ» и «петербургский аполлинизм» (ср. в книге В. Н. Топорова: [8]). Это явное сотонинское предпочтение Марсия Аполлону свидетельствует об умалении классического бога. Предположу, что это проявление определенной опоры Сотонина на традицию декадентства, хотя, как отмечают, традиция отторжения Аполлона связана не только с декадентством конца XIX — начала XX в. В этом отторжении Аполлона можно видеть проявление определенного эстетизма Сотонина. Он не был лишен поэтического дарования и отдал дань поэтическому творчеству, насколько можно судить по некоторым свидетельствам, был близок к имажинизму и, возможно, так или иначе пересекался с обериутами. Разумеется, следует учитывать, что, как показывает исследование Л. В. Семенченко, некоторое «недоверие» к Аполлону было всегда, а вовсе не является исключительно поздней модой, введенной декадентскими течениями конца XIX — начала XX вв. [3, с. 204]. Подобное отношение представляет собой не частный случай, а явление, неоднократно воспроизводящееся и имеющее глубоко уходящие в древнюю культуру корни.

Какую же роль в многовековой истории философии отводит Сотонин Сократу? Для него нет мыслителя более значимого, чем Сократ, на всем протяжении европейской истории мысли. Только во второй половине XIX столетия, по мысли Сотонина, появляются мыслители, способные развивать мысли Сократа, но лишь XX в. усвоит их полностью и навсегда закрепит философию на земле. Все это даст почву для появления второго гениального философа, который придет в XXI в. и сможет использовать философию, сведенную на землю первым гением. Сократ Сотонина — это «провозвестник мировоззрения XXI в.». Сотонин пишет:

Только в XIX в. начали понимать гениальность дела Сократа, только XX в. начинает систематически высылать людей на подмогу Сократу, только XXI в. возьмет красный карандаш и двумя толстыми пересекающимися чертами решительно вычеркнет в книге истории философии двадцать три века идеалистического бреда от Платона до половины XIX столетия: не было этих двадцати трех веков! Для науки их не было! [7, с. 210]

И далее:

Двадцать веков господства небесной и полунебесной философии позади нас. Но людям сегодняшнего дня нужна земная философия, и для построения ее мы не найдем пригодного материала в этих двадцати веках; для сегодня пригоден только Сократ; только он — проповедник и подготовитель философии современности [7, с. 217].

В связи с истолкованием Сократа как циника и как проповедника и подготовителя философии современности, и более того — как циника, чья земная философия нужна людям сегодняшнего дня, представляется плодотворным и эвристически ценным сопоставление философии Сократа, как ее понимает Сотонин, с идеями современного немецкого философа Петера Слотердайка, автора книги «Критика цинического разума». В этом случае можно говорить о Сотонине как о предшественнике современного неокинизма, тем более, что

деятельность софистов часто рассматривается как греческое Просвещение, принципы которого подвергаются критике со стороны античных киников. Изображение Слотердайком отношений современного цинизма и Просвещения создает впечатление близкой параллели.

Обычно как зарубежные, так и отечественные исследователи цинизма рассматривают его как учение одной из античных школ, как более или менее определенную систему гносеологических, антропологических, социальных и политических идей, присущих представителям этой школы — Антисфену, Диогену, Кратету, Гиппархии и др. И хотя киническая традиция весьма отчетливо существовала на протяжении всей античной философии (вспомним киника ранней римской империи Гонората, ходившего в медвежьей шкуре; или обладающего необычайной физической силой киника Сострата), чаще всего она сводится к кинизму второй половины IV — первой половины III в. до н. э. Однако Слотердайк видит цинизм не как учение всего лишь одной определенной античной школы философии, а как направление, проходящее через всю историю человечества; более того, как направление, определяющее противоборство рационализма и иррационализма. Немецкий мыслитель осуществляет осмысление кинической (цинической) традиции в философии и культуре через последовательный ряд персонажей «паноптикума киников». В этот паноптикум он помещает не только известных исторических личностей (Диогена, Лукиана), но и литературных персонажей Нового времени (Мефистофеля Гёте и Великого Инквизитора Достоевского). На примере этих персонажей он стремится показать архетипические черты цинического сознания. Напомним, что для Слотердайка кинизм — это греческая философия дерзости, а циник — это распространенный тип Нового времени. Автор «Критики цинического разума» понимает цинизм как «просвещенное ложное сознание». Это сознание, усвоившее высокие требования просветительских идеалов, но не способное их реализовать. С точки зрения Слотердайка, мы живем в эпоху тотального и диффузного цинизма. Представляется, что, на взгляд Сотонина, «паноптикум циников», о котором пишет Слотердайк, надо было бы открывать именем Сократа, а не Диогена. В конце концов, Диоген — это лишь «сумасшедший Сократ». Все остальные сократики не заслужили подобной характеристики, а Диоген заслужил, и это нельзя объяснить только негативным отношением к нему Платона, неспособного к диалогу с «участием живой плоти» [5, с. 134]. Следует подчеркнуть, что Сотонин, по-видимому, и сам был убежден, и стремился убедить читателя, что Сократ — циник и в этой ипостаси. Таким образом, Константина Сотонина вполне правомерно рассматривать как предшественника неокинизма Слотердайка, а его Сократа как киника — в качестве отца массового диффузного цинизма современности. Правда, делать такой вывод надо без лишней серьезности, помня слова казанского философа о том, что «ученый будущего — смеющийся философ», и «даже наука он творит полупутя: серьезно — поскольку наука для жизни других; играя — поскольку его жизнь для науки; потому что к своей жизни он может относиться только как к игре, — иначе он был бы слишком серьезным» [7, с. 29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Караваева С. В. Сократ в философских школах поздней античности // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2018. — № 3, ч. 2. — С. 5–14.
2. Ксенофонт. Анабасис / пер., ст. и примеч. М. И. Максимовой; под ред. акад. И. И. Толстого. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 304 с. (Серия «Литературные памятники»).
3. Мурзин Н. Н. Отвергнутый бог: Аполлон от греков и до наших дней // Философский журнал. — 2018. — № 24. — С. 221–249.
4. Семенченко Л. В. Марсий, Олимп, Гиагнис и миф об изобретении авлоса // Вестник древней истории. — 2019. — Т. 79, № 4. — С. 905–926.
5. Слотердаик П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. — 584 с.
6. Сотонин К. Сократ: Введение в косметику. — Казань: Тип. комб. изд. и печати «Восток», 1925. — 209 с.
7. Сотонин К. Сократ: Введение в косметику. — М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2020. — 320 с.
8. Топоров В. Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. — М.: ОГИ, 2004. — 264 с.
9. Черняховская О. Маргинальный Сократ: теория К. И. Сотониной // Логос. — 2011. — № 4 (83). — С. 140–154.
10. Шичалин Ю. А. Сократ-пифагореец изобретение Платона? // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2012. — № 41 (3). — С. 76–86.